

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Что можно придумать

Жил-был молодой человек; он усердно готовился в поэты и хотел стать поэтом уже к Пасхе, потом жениться и зажить творчеством. Это вовсе нетрудно; всё дело в том, чтобы придумывать, да придумывать, но что именно? То-то вот и есть! Опоздал он родиться! Все сюжеты уже были разобраны до его появления на свет, всё уже было описано, воспето в поэзии.

– То-то счастье было тем, что родились тысячу лет тому назад!
– сказал он. – Им-то легко было обессмертить себя! Да, счастливы были и те, что явились на свет лет за сто до нашего времени, – и тогда ещё оставалось кое о чём писать. Но теперь всё на свете давно воспето и перепето, о чём же петь мне?

И он так усердно ломал себе голову, что, наконец, захворал бедняга. Никакой доктор не мог ему помочь, одна оставалась надежда на знахарку. Она жила в маленьком домике, у околицы, которую и должна была отворять для возов и проезжих. Но она годилась кое на что и поважнее – умом-то она, ведь, заткнула бы за пояс любого доктора, что ездит в собственном экипаже и платит государственный налог за чин!

– Надо пойти к ней! – решил молодой человек.

Жила знахарка в маленьком, чистеньком, но как будто скучном на вид домике: ни деревца вокруг, ни цветочка! Перед дверями только улей – вещь полезная, да картофельное поле – тоже вещь очень полезная, да ещё канава, обросшая кустами терновника. Терновник уже отцвёл и был осыпан ягодами, которые сводят рот, если вздумаешь есть их прежде, чем их хватит морозом.

«Точная картина нашего времени, лишённого всякой поэзии!» подумал молодой человек. Вот уж, значит, он и нашёл у дверей знахарки жемчужное зёрнышко, – у него блеснула идея!

– Запиши её! – сказала старуха. – И крошки, ведь, тот же хлеб! Я знаю, зачем ты пришёл! Ты не можешь ничего придумать, а всё-

таки хочешь выйти к Пасхе в поэты!

– Все сюжеты уже разобраны! – сказал он. – Наше время – не доброе старое время!

– Нет! – ответила старуха. – В то время знахарок сжигали, а поэты разгуливали с пустым желудком, да с прорванными локтями. Наше время именно самое лучшее время! Но ты не умеешь смотреть на вещи, как следует, ты не изощрял своего слуха и мало читал по вечерам: «Отче наш!» Есть о чём петь и рассказывать и в наше время, умей только взяться за дело! Черпай мысли откуда хочешь – из трав и злаков земных, из стоячих и текучих вод! Но для этого, конечно, нужно обладать даром разума, уметь – как говорится – поймать солнечный луч! На вот, попробуй-ка надеть мои очки, приставь к уху мой слуховой рожок, призови на помощь Господа Бога, да перестань думать о самом себе!

Последнее-то уж было чересчур трудно; некстати бы такой умной женщине и требовать этого!

Молодой человек вооружился очками, слуховым рожком, и знахарка поставила его посреди картофельного поля, вручив ему предварительно большую картофелину. Картофелина издавала звуки. Он прислушался и услышал целую песню о житье-бытье картофелины, «обыкновенную историю» в десяти частях. А и десяти строк было бы довольно!

Так о чём же пела картофелина?

Она пела о самой себе и своей семье, о прибытии первых картофелин в Европу и о тех испытаниях и мытарствах, через которые они прошли, пока их признали куда большею благодатью для края, нежели золотые самородки.

«Нас разослали, согласно королевскому приказу, по всем городским ратушам; всем было объявлено о нашем великом значении, но в него не верили, не знали даже, как обращаться с нами. Кто выкапывал яму и бросал в неё всю меру картофеля зараз, кто рассаживал картофелины там и сям по полю и ждал, что из них вырастут целые деревья, с которых можно будет отряхнуть картофелины! Ну, вот и выростала зелень, на ней распускались цветы, потом появлялись водянистые плоды, но затем всё растение увядало, и никому в голову не приходило, что настоящая-то благодать лежит в земле – самые-то

картофелины. Да, много мы перетерпели, вынесли, то есть не мы, а наши предки, но это всё едино!»

– Вот так история! – сказал молодой человек.

– Ну, теперь довольно! – сказала старуха. – Посмотри на терновник!

– У нас тоже есть близкая родня на родине картофеля, – заговорил терновник: – но несколько севернее, чем растёт он. Туда явились норманы; они плыли навстречу туманам и бурям и попали в неведомую страну, где под снегом и льдом нашли разные травы, растения и кусты с тёмно-синими ягодами, похожими на виноград, из которых тоже можно делать вино. То был терновник; его ягоды созревают на морозе, как и мои. И вся страна получила имя «Винной страны», «Зелёной страны», «Гренландии»!

– Да это целая поэма! – сказал молодой человек.

– Да, а теперь иди-ка вот сюда! – сказала знахарка и подвела его к улью. Он заглянул туда. Что за жизнь, какое движение! Во всех проходах сидели пчёлы и махали крылышками, чтобы проветрить эту огромную фабрику, – это была их обязанность. А в улей всё прибывали новые и новые пчёлы, нагруженные провизией; они приносили на щёточках ножек цветочную пыль, отряхали её, сортировали, – часть шла на мёд, часть на воск. Пчёлы прилетали и улетали; царица тоже хотела было улететь, но за нею пришлось бы улететь и всем, а не время было, и вот они взяли, да и откусили её величеству крылышки, – пришлось ей остаться на месте!

– Подымись теперь на насыпь, что возле канавы! – сказала знахарка. – Погляди на дорогу и на добрых людей!

– Да там их тьма тьмущая! – воскликнул молодой человек. – Шум, гам! История на истории! Ох, у меня в глазах темнеет! Я упаду навзничь!

– Нет, смело иди вперёд! – сказала старуха. – Идя прямо навстречу жизни, в самую густую толпу, да насторожи и глаза, и уши, и сердце! Тогда живо придумаешь что-нибудь! Но сперва отдай мне мои очки и слуховой рожок, а там и ступай себе!

И она взяла у него и то, и другое.

– Теперь я ровно ничего не вижу! – сказал молодой человек. – И ничего не слышу!

– Ну, видно не сделаться тебе поэтом к Пасхе! – сказала знахарка.

– А когда же? – спросил он.

– Ни к Пасхе, ни к Троице! Тебе никогда ничего не придумать!

– Так за что же мне взяться, что делать, если я хочу жить творчеством?

– Ну, этого-то ты можешь добиться и к маслянице! Засади поэтов в бочку, да и колоти по ней!^[1] Колоти по их творениям, это всё одно, что колотить их самих! Только не падай духом, колоти хорошенько и сколотишь себе деньжонки! Хватит на прокорм и тебе, и жене!

– Вот что можно придумать! – сказал молодой человек и принялся колотить поэтов одного за другим, – самому-то ему не удалось сделаться поэтом.

Мы узнали всё это от знахарки; она-то уж знает, что можно придумать!

^[1] Намёк на старинный обычай сажать на маслянице в бочку кошку. См. примеч. т. II, стр. 153. – Старый обычай, долго державшийся в Дании: в бочку сажают кошку и начинают изо всех сил колотить по бочке, пока, наконец, не вышибут из неё дно, и кошка, как угорелая, не выскочит оттуда.

